

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-19-27

УДК 394.91

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6616-0646
E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Никита Андреевич Мазаев

Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0615-8987
E-mail: mazaev-nikita14@yandex.ru

Придворный церемониал казахских ханов глазами европейца: двор Абулхаира в дневнике Джона Кэстля*

АННОТАЦИЯ. Английский художник и путешественник XVIII в. Джон Кэстль в 1736 г. посетил владения хана Младшего жуза Абулхаира. Вся дорога от Оренбурга до ханских земель и обратно была описана им в дневнике. Этот материал содержит не только сведения по этнографии казахов, но и детальное воспроизведение восточных дипломатических ритуалов, увиденных глазами западного человека. Кэстль был вынужден взаимодействовать с членами ханской семьи, приближенными, а также с рядовыми казахами. Безусловно, это требовало от него не только знания народных обычаев, но и дипломатического этикета, такта, стойкости и развитого ситуативного мышления. Другой не менее важной стороной дипломатических отношений стала пища, которую подавали на официальных приемах. Автор текста сумел не только описать ее, но и, что важнее, назвал, в каком количестве она приготавливалась, последовательность подачи блюд. Он упомянул лиц, принимавших участие в пиршествах, указал роль, которую играл хан в этих церемониалах, а также обозначил место в них иностранного посланника. Внимание Кэстля к деталям и точная передача в тексте позволяют заглянуть в закулисы дипломатического ритуала, понять восприятие ханом своего подданства и отношение к Российской империи и императрице сквозь манеры его речи, слушания и поведения. Таким образом, дневник английского художника и путешественника Джона Кэстля позволяет взглянуть на российско-казахскую дипломатию 1730-х гг. глазами иностранца, а также судить о ее сущности и характере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Джон Кэстль, дневник путешествия, казахская степь, Абулхаир, Российская империя

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Придворный церемониал казахских ханов глазами европейца: двор Абулхаира в дневнике Джона Кэстля. *Кunstkamera*. 2021. 4(14): 19–27. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-19-27

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Dmitry Vasilyev

Moscow City University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6616-0646
E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Nikita Mazaev

Moscow City University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0615-8987
E-mail: mazaev-nikita14@yandex.ru

Court Ceremony of the Kazakh Khans in the Eyes of a European: The Court of Abulhair in the Diary of John Castle

ABSTRACT. In 1736, English traveler and artist John Castle visited the domain of Abulhair, the Khan of the Junior Zhuz. In his diary, he described the entire way from Orenburg to the Khan's lands and back. This text is not only a source on the ethnography of the Kazakhs, but also a detailed description of 'Oriental' diplomatic rituals through the eyes of a Western person. Castle had to interact with the members of the Khan's family and his close associates, as well as with ordinary Kazakhs. Obviously, this required not only knowledge of local customs, but also that of diplomatic etiquette, as well as perseverance and advanced situational thinking. Another, no less important, aspect of diplomatic relations was the food served at official receptions. The traveler managed to convey not only its descriptions, but also, more importantly, how and in what quantity it was prepared, the sequence of dishes, who took part in banquets, what role the Khan played in them, and also what place and role was assigned to the foreign envoy. Castle's accuracy and eye for details gives an opportunity to look behind the scenes of the official side of the diplomatic ritual and understand the Khan's perception of his allegiance and attitude toward the Russian Empire and the Empress through the manner of his speech, listening and behavior. Thus, the diary of the English artist and traveler John Castle allows us to look at the Russian-Kazakh diplomacy of the 1730s through the eyes of a foreigner, as well as to consider its essence and character.

KEYWORDS: John Castle, travel diary, Kazakh steppe, Abulhair, Russian Empire

FOR CITATION: Vasilyev D., Mazaev N. Court Ceremony of the Kazakh Khans in the Eyes of a European: The Court of Abulhair in the Diary of John Castle. *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 19–27. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-19-27

В XVIII в. Казахская степь являлась объектом интереса не только российских чиновников и ученых, но и иностранных путешественников. Одним из таких предприимчивых деятелей был Джон Кэстль — англичанин по происхождению и художник по образованию. В 1736 г. он принял путешествие к хану Малой орды Абулхаиру и задокументировал связанные с этим события. Существовало как минимум два экземпляра дневниковых записей Кэстля, один из которых находился в оренбургской канцелярии и представлял собой описание, по его собственному признанию, лишь официальной части предприятия. Вторую же, более полную версию, где давались объяснения различным событиям, происходившим во время поездки, путешественник намеревался предоставить лично императрице. Широкий доступ к этому документу образованной части русского населения открылся лишь в 1784 г., когда он был опубликован на немецком языке в Риге (*Journal von der Ao. 1784*). Помимо очевидной языковой сложности, недостаточная изученность этого источника была обусловлена тем, что он был издан в составе книги, повествовавшей о правлении Анны Иоанновны и выпадал из поля зрения исследователей Казахской степи. Однако в 1958 г. историк П. Е. Матвиевский обнаружил и кратко изложил его суть на русском языке. В 1996 г. текст документа был переведен на казахский, а в 1998 г. полностью на русский язык, что сделало его еще более доступным для ученых. Тем не менее возросшая популярность этого источника зачастую нивелируется его фрагментарным использованием, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о его недостаточной изученности.

Так, в работах Ю. Н. Смирнова «Английский рисовальщик и сотрудник оренбургской экспедиции Джон Кэстль в Самаре 1730-х годов» (2003) и «Самара восемнадцатого века в дневнике английского сотрудника Оренбургской экспедиции» (2020) используется этот источник, но главной темой остается то, как английский художник и путешественник воспринял и отразил в своем дневнике повседневность российских городов близ азиатских границ в XVIII в.

Статья Р. Ю. Почекаева «Западные современники о государстве и праве пост-ордынских ханств XVI–XVIII вв.: отражение реалий или продвижение воззрений?» (2017) базируется на анализе свыше десяти источников, одним из которых является дневник Кэстля. При этом значительное внимание уделяется характеристике авторов произведений, условиям и целям создания документов, а целью самой публикации стал ответ на вопрос, стремились ли европейские путешественники донести правду о государстве и праве джучидских ханств или же завуалированно излагали собственные идеализированные политические представления.

В работе А. Т. Сапарниязова «Что писали европейские участники Оренбургской экспедиции о каракалпаках XVIII в.» (2021) материалы дневника Кэстля рассмотрены фрагментарно, поскольку главной целью автора было выяснение истории каракалпаков.

Информация о публикации источника и указание его ценности с точки зрения описания быта людей, населявших казахские земли, а также возможности визуального представления хана Абулхаира и его приближенных представлены в труде С. И. Ковальской «Живопись как источник по изучению повседневности казахского народа XVIII–XIX веков» (2018). Автор справедливо заметила, что Кэстль был пионером казахстанской тематики в изобразительном искусстве и к проявлению высокомерия с его стороны все же стоит относиться снисходительно, поскольку дневник серьезно обогащает знания о данном периоде и конкретных личностях.

Использование дневника Кэстля как источника по истории торговых отношений осуществлено в работе Г. Т. Мусабалиной и Г. Абдыкуловой «Роль Оренбурга в развитии торговых отношений с казахской степью и со Средней Азией в XVIII в.» (2020). Так, описание пребывания путешественника в Малой орде позволило авторам сделать выводы о нужде казахов в промышленных и бакалейных изделиях и обоюдной выгоде Оренбургской ярмарки.

Характеристика различных форм гостевания в культуре казахов и нормы гостеприимства в том числе на основе материалов дневниковых записей Кэстля представлены в труде И. В. Октябрьской и З. К. Сурагановой «Гостеприимство в культуре казахов в контексте престижного потребления. Традиции и современность» (2012).

Особый интерес в рассматриваемом источнике представляют дипломатические ритуалы встречи, аудиенций у хана, официальных обедов и т. д. Помимо образа поведения, местного этикета, важна и интерпретация увиденного западноевропейским высокообразованным человеком. А детальное воспроизведение Кэстлем образа и действий Абулхаира позволяет делать выводы не только об отношении хана лично к англичанину, но и к Российской империи вообще, представителем которой являлся путешественник.

Уже в самом названии дневника Кэстль подчеркнул, что отправился в путешествие исключительно во благо российского государства и, более того, за свой счет. Все это должно было стать подтверждением верности иностранца имперской службе (он заключил контракт с Оренбургской экспедицией [Кэстль 1998: 11]), императрице и государству.

В июне 1736 г., будучи в Оренбурге, Кэстль сумел вступить в контакт с одним из сыновей Абулахира Ералы, который был аманатом (дипломатическим заложником). Само по себе содержание ханского сына в аманатах служило подтверждением прочных отношений империи с главой Малой орды. Одарив наследника казахского престола разнообразными подарками и учтивым вниманием, англичанин сумел добиться его расположения и даже получить важное поручение — написать портрет отца с натуры (Кэстль 1998: 12–15). Ералы сам написал письмо Абулхаиру, в котором просил во всем доверять Кэстлю. Заручившись одобрением оренбургского коменданта Чемадунова и обязавшись поставить в известность начальника Оренбургской экспедиции статского советника И. К. Кирилова, путешественник получил статус имперского посланца, а его роль приобрела дипломатическое значение (Кэстль 1998: 15).

Спустя четыре дня после выезда из Оренбурга Кэстль достиг казахских кочевий, где по случаю его долгожданного появления был заколот баран. За трапезой поднимали тосты за здоровье императрицы. Описывая этот сюжет, автор дневниковых записей прямо намекнул на невероятную ценность своего, как следует из строк дневника, спонтанного предприятия: «Наш гостеприимный хозяин, по имени Гудер Бей, недвусмысленно дал понять, что, если бы не мой приезд, они [казахи. — *Авт.*] через несколько дней вместе с башкирами напали бы на нас» (Кэстль 1998: 16). Так, явно намекая на несостоятельных имперских чиновников, преступно медливших с отправкой посланца в степь, Кэстль, несомненно, пытался повысить собственный статус.

На следующий день он наконец прибыл в ставку, однако самого Абулхаира там не застал. За ханом сразу же отправили двух гонцов, а для гостя установили бухарский шатер из хлопчатой ткани. С того момента чуждый, одетый по-немецки, в обтянутых брюках и парике большеглазый пришелец стал объектом интереса для всех пребывавших там казахов. Неизвестность, боязнь нарушить дипломатический этикет, а также поставить под угрозу престиж Российской империи и даже потерять собственную жизнь побудили Кэстля вести себя смиренно и терпеть не только подозрительные взгляды, но и даже частые ощупывания (Кэстль 1998: 17). Конечно, это ему не нравилось, но иного выхода, кроме проявления стоического терпения, он не видел: «Все, что было у меня с собой в качестве подарков, как то: иголки, ножи, зеркала и другая мелочь, я им отдал, и даже пуговицы на моем сюртуке не выдержали их любопытства и исчезли все до единой» (Кэстль 1998: 18). Так англичанин своими словами и действиями продемонстрировал цивилизационные различия двух миров, в одном из которых такие простые вещи представлялись бытовыми безделушками, а в другом — незнакомой, но от того еще более желанной вещью. Ясно, что это оказывало влияние и на дипломатическое взаимодействие.

После обеда Кэстля пригласили познакомиться с братом хана и старейшинами. Это действие также не обошлось без пира. К столу закололи годовалого барана и подали кумыс. То, что путешественник счел отходами (бараньи кости), стало предметами казахского ритуала, который должен был показать, принесет счастье приезд посланца или нет. Его проводили в присутствии англичанина, однако результат ему не сообщили. Тому оставалось лишь догадываться по выражениям лиц старейшин. И, как казалось, неприятностей их физиономии не предвещали (Кэстль 1998: 19). Это подтвердилось и тем, что при прощании они одаривали незнакомца разными комплиментами.

В приведенном случае факт участия в сакральном действе иностранца, посланника далекой страны, прямой политической контакт с которой установился относительно недавно, говорит о том, что казахи соблюдали определенный дипломатический этикет. И это выражалось в почтительном отношении к гостю. Остается вопросом лишь трактовка сокрытия результатов гадания. Было ли это проявлением дипломатической смекалки и хитрости с целью не огорчать и не пугать посланца или же простым соблюдением формальных сторон дипломатического этикета, демонстрацией лишь внешней стороны местной жизни?

Задуматься об этом позволяет ситуация, описанная Кэстлем несколькими страницами ниже, где он рассказал о деятельности ханского слуги, который был ответственным за поддержание прохлады воздуха (Кэстль 1998: 23). На страстное желание гостя узнать подробнее об особенностях его работы тот указал чужестранцу на различие в их вероисповедании, что и стало достаточным аргументом для прекращения беседы.

Вступление в подданство Российской империи, однако, не мешало казахам держать в неволе русских пленников. Столкнувшись с одной и невольниц, Кэстль не рискнул ходатайствовать о ее немедленном освобождении и ограничился лишь объяснением того, в какой стороне от них находился ближайший российский город — Оренбург. Словно оправдывая самого себя, он писал, что, даже выполнив просьбу одной пленницы, наверняка ему пришлось бы столкнуться с мольбами остальных русских невольников, а это, по его убеждению, навлекло бы на него гнев всего казахского народа (Кэстль 1998: 20). Такой демарш безусловно стал бы ударом по его дипломатической миссии, поскольку обращение к хану с подобным требованием могло расцениваться как попытка вести диалог с позиции превосходства.

В очередной день, 20 июня, Кэстль записал, что все три ханских сына заставили его проехать с ними на близлежащую гору. Там они приказали гостю слезть с коня, но сами остались сидеть верхом, очевидно демонстрируя исключительность своего положения. Являясь представителем Российской империи, Кэстль не мог вести беседу в таком положении, а потому сел на коня. Только после всего этого старший из сыновей поинтересовался здоровьем императрицы и пообещал держать слово, данное ей его отцом. Встает вопрос, что же было побудительным мотивом подобного поведения: неосведомленность в азах дипломатического этикета или молодецкая гордыня и, как следствие, демонстрация высокомерного отношения к гостю? Первый вариант представляется спорным, поскольку представление старшего ханского сына о необходимости справиться о здоровье государыни и подтверждения подданнической верности Российской империи явно демонстрирует определенный уровень знакомства с принципами взаимодействия с дипломатами северной державы. Второй вариант, исходя из контекста дневниковых записей, представляется более вероятным. Очевидно и то, что беседа на равных (в буквальном смысле этого слова) является неотъемлемой частью переговоров, а значит догадываться об этом могли и ханские сыновья, особенно учитывая характер последовавшего после этих действий обмена репликами. Однако и такой вариант нельзя трактовать как исключительно верный, поскольку он не учитывает особенности психологического склада личности ближайших родственников Абулхаира: волнение, рассеянность, забывчивость, характерные для молодых людей, также могли сыграть свою роль и отразиться на их поведении.

По возвращении в ханскую ставку англичанин обедал рядом с ханским братом Нияз Султаном. Вечером того же дня наконец пришла весть о скором прибытии хана. Его вестовой лично заглянул в шатер Кэстля, справился о его здоровье и сообщил долгожданную новость. Утром он прибыл вновь и сообщил, что хан хочет видеть чужестранца в немецкой одежде и верхом на коне. Тот молниеносно исполнил это пожелание, но, прибыв к ханской юрте, столкнулся с большой очередью посетителей, каждого из которых принимал Абулхаир. Не предоставив императорскому посланнику первоочередного права на прием, глава Малой орды все же оказывал ему знаки внимания и часто отправлял одного из своих слуг справляться о здоровье гостя и угощать его едой. Демонстрация процедуры выражения почтения хану по местному обычаю, заключавшаяся в пре-

клонении перед ним и троекратном касании лбом земли, серьезно озадачила Кэстля. Такое предложение посланнику государства, с которым казахи находились как минимум в союзнических отношениях, также демонстрирует специфику восточного дипломатического этикета. А безразличие к возможной реакции гостя позволяет сделать вывод о неоднозначном понимании подданства, к которому привел своих подчиненных Абулхаир. В рамках же дипломатических отношений это подразумевает самоидентификацию казахов как силы, как минимум равной Российской империи.

Аудиенцию у Абулхаира автор описал так: «Примерно в десяти шагах от юрты хана они [ханские слуги. — *Авт.*] попросили меня постоять с минуту, а адъютант, или на их языке гесаул, пошел доложить обо мне... Когда тот наконец объявился, меня довели до входа в юрту и оставили одного. В следующий момент я почувствовал толчок сзади и оказался в юрте. Прямо напротив входа сидел хан. На нем была ситцевая одежда в полоску. Рядом с ним сидели два его сына и брат Нияз Султан, а кроме того, в юрте находились старейшины. Я сделал троекратный реверанс на французский манер перед ханом и всеми другими присутствующими. После этого я опять надел шляпу и меня попросили присесть» (Кэстль 1998: 24). Кратко изложив обстоятельства своей миссии, англичанин обозначил себя как посредника в диалоге между ханом и императрицей. В своем дневнике он отметил, что Абулхаир слушал его рассказ о событиях продолжавшейся Русско-турецкой войны не очень внимательно, но по виду был доволен. В разговорах на разные темы подошло время трапезы. Хан лично кормил гостя с рук бараниной и угощал кумысом. Спустя три часа после начала беседы хан коснулся своей правой рукой правого плеча англичанина, тем самым отдав ему дань уважения и почета, и отпустил его. До своего шатра Кэстль шел в сопровождении конвоя из 20 человек (Кэстль 1998: 27). Так непосредственное взаимодействие Кэстля с Абулхаиром способствовало нормализации обстановки, что подтверждается и контекстом источника. Англичанин воспринимал встречу с ханом не как очередную возможную демонстрацию инаковости, а скорее как должное в рамках дипломатического ритуала.

На следующий день хан и его гость отправились в небольшую поездку, во время которой Абулхаир охотился с соколом, чем очень восхитил Кэстля, а после и вовсе подарил ему своего коня. Другим утром они вновь оседлали лошадей и в течение трех часов двигались вместе с кочевьем. Все это время хан со своим гостем ехали рядом, и хозяин указывал на те места, где, по его мнению, должны были быть возведены русские крепости, поскольку, по его словам, в этих местах можно было добыть не только золото, но и другие ценные материалы. По дороге к юртам хан уличил момент для уединения с англичанином и поблагодарил того за визит, попросил прощения за поведение своих подданных. Хан также выразил надежду на то, что ему удастся избежать возможных конфликтов с Российской империей (Кэстль 1998: 28).

Вечером нового дня хан решил устроить Кэстлю встречу со старшей супругой и своими другими женами. Он сразу предупредил своего гостя о необходимости пребывания в хорошем расположении духа и вновь собственноручно накормил его. Англичанин не забыл о своей роли и передал заготовленные для ханской семьи подарки, главным из которых был портрет султана Ералы. Это глубоко тронуло ханшу, поскольку именно она была его матерью. Бопай выразила свое почтение, подав дорогому гостю миску кумыса. Определенно понимавший толк в дипломатических встречах, Джон Кэстль заметил, как хан слегка захмелел, а потому посчитал своим долгом приторной лестью выведать у него тайны (Кэстль 1998: 33).

Новый день принес с собой переезд императорского посланника в сопровождении ханского брата к другому кочевью. Там за обедом было решено по настоянию Кэстля наказать трех воров и бунтовщиков против русских (Кэстль 1998: 34).

В середине третьей недели пребывания англичанина в степи хан устроил большой пир в его честь и пригласил гостей из всех трех орд. Долгое ожидание подобной церемонии Кэстль объяснил тем, что именно в тот день наступало новолуние, а значит и время для совершения наиважнейших дел. Со слов автора дневника становится понятным, что казахи Малой орды придавали визиту

представителя Российской империи особое значение. Пир начался с общей молитвы, в ходе которой все присутствующие обращались к Всевышнему с просьбой о даровании им сил для сохранения вечной верности государыне императрице. Было съедено две лошади, восемь баранов и выпито несметное количество кумыса. Но стоит заметить, что поначалу Кэстль находился в другом шатре, куда ему периодически подносили кушанья. Лишь после завершения пира хан послал за почетным гостем большую свиту, которая сопровождала его к главе Малой орды. И вновь поднимали тосты за здоровье императрицы, пограничных начальников статского советника И. К. Кирилова и члена Оренбургской экспедиции полковника А. И. Тевкелева, который являлся важной фигурой во взаимоотношениях Российской империи с казахами и незадолго до путешествия Кэстля сам был главой дипломатической миссии в Младший жуз (Кэстль 1998: 36).

Вечером того же дня сестры аманата Ералы решили встретиться с Джоном Кэстлем. Причиной того стало предложение гостя, который по возвращении в Оренбург пообещал передать привет их брату, а также слова уважения И. К. Кирилову. Сестры подкрепили свою просьбу подарком в виде кислого овечьего молока. Кэстль же ввиду малого возраста ханских дочек отблагодарил их несколькими сотнями иголок и «...другой мелочью» (Кэстль 1998: 37).

Вспоминая церемонию празднества в свою честь, англичанин посетовал на то, что, когда он проголодался и попросил хана накормить его, получил отказ по причине того, что приглашенные гости все съели: «Так получилось, что я, ради кого был устроен весь этот пир, ушел с него голодный» (Кэстль 1998: 37). Подобные замечания посланника в его дневнике, как и многочисленные указания на цивилизационные различия, отнюдь не редкость. Наоборот, при удобном случае Кэстль стремился их подчеркнуть, возможно из желания придать своей миссии большее значение. Поэтому восприятие европейцем двора Абулхаира, на наш взгляд, не лишено предвзятости, обусловленной как стереотипным восприятием Востока, так и личным опытом и целями путешественника.

Как-то утром хан при встрече стал интересоваться, какой дорогой Кэстль поедет обратно и скоро ли встретится со статским советником Кириловым. Используя эту тему для завязки разговора, Абулхаир перешел к делу и начал сетовать на то, что оренбургский комендант запретил ему и его людям кочевать вниз по реке Орь. Имперский посланник уловил суть жалобы и поспешил заверить знатного казаха в том, что эта мера принята исключительно в интересах его и его подданных. Удовлетворившись этим ответом, хан и все присутствовавшие подняли тост за здоровье гостя (Кэстль 1998: 37–38).

Происходили с Кэстлем и не совсем понятные, по его выражению, курьезные случаи. Один из таких моментов он описал так: «Я удостоился странной чести: вопреки всем местным обычаям пришли, когда я уже лег и почти заснул, две не совсем молодые девушки: одна — калмычка, а другая — красивая татарка. Они запросто разделись при свете сальной свечки и начали мыться с головы до ног. Я сделал вид, что это мне неинтересно, и даже заснул. Но девушек это не смущало, и они залезли ко мне под одеяло» (Кэстль 1998: 39).

Один из ханских приближенных, Теберде, извиняясь за столь длительное пребывание гостя в степи, подарил ему девять волчьих шкур, а его переводчику — четыре шкуры корсаков и одну лисью, а также попросил умолчать об этой задержке при отчете статскому советнику (Кэстль 1998: 39). Этот эпизод в очередной раз позволяет говорить о том, что казахи все же имели представление о специфике российской дипломатии и понимали границы дозволенного, но тем не менее воспринимали это сквозь призму собственного мировоззрения.

Абулхаир, если верить словам англичанина, имел и свои личные интересы, состоявшие в намерении укрепить свою власть и даже обезопасить жизнь свою и своей семьи. В беседе без посторонних он обратился к гостю с посланием к статскому советнику Кирилову и полковнику Тевкелеву о том, что хотел бы иметь в Оренбурге жилье, а всех своих сыновей отдать на российскую службу. Пытаясь убедить посланника в своем верноподданстве, он даже попросил прислать ему портрет государыни императрицы. Будучи умелым дипломатом, хан не преминул отметить положительные качества самого англичанина и даже попросил совершить поездку в Бухару в ка-

честве своего представителя. Подарки Абулхаира Кэстлю составили 30 корсачьих и шесть лисьих шкур, а переводчикам — по лошади и по шесть корсачих шкур (Кэстль 1998: 40–41). Напоследок хан вместе со старейшинами проводил гостей две версты, а его брат и старший сын — пять. Почетная охрана хана сопровождала англичанина и его спутников вплоть до истока реки Орь (Кэстль 1998: 43).

Подводя итог, следует заметить, что придворный церемониал ханского двора Абулхаира имел свою специфику, но не был совершенно незнакомым для Российской империи и ее представителей. Обширный опыт, накопленный в период экономического взаимодействия и политических контактов с Казахской степью как в XVIII столетии, так и ранее, способствовал постепенному улучшению взаимодействия и взаимопонимания между двумя сторонами. Это выражалось и в поведении дипломатов с обеих сторон. Обоюдная заинтересованность в возможности установления стабильных и взаимовыгодных отношений, вытекавшая из действительной необходимости, определяла характер дипломатических миссий, сам церемониал и действия его участников, количество и ценность подарков, характер взаимного восприятия и исходя из этого соответствующего отношения друг к другу. На примере миссии Джона Кэстля, предпринятой им в 1736 г., можно сказать, что все придворные церемонии ханского двора Абулхаира по случаю приезда иностранного посланника, имели ярко выраженное политическое значение и каждое действие, безусловно, являлось демонстрацией отношения казахов к тем, кто стоял за спиной гостя. Стоит заметить, что англичанин был представителем совершенно другой культуры, а соответственно и носителем иных ценностей. Потому кое-где в его дневниковых записях сквозит предвзятость и даже плохо скрываемое неприятие. Здесь мы встречаем взаимную настороженность казахов и представителей Российской империи, что выразилось, например, в поведении ханских сыновей, позволивших себе беседовать с гостем свысока, в невнимании хана к рассказу англичанина об успехах русского оружия в войне с Османской империей, а также в мыслях Кэстля, который довольно часто сетовал на серьезные принципиальные отличия от европейской традиции. И часто его действия выглядят как вынужденные шаги с целью сохранить свою жизнь и укрепить престиж представляемой им державы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ковальская С. И. Живопись как источник по изучению повседневности казахского народа XVIII–XIX веков // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. С. В. Степанов. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 511–516.

Кэстль Д. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой орды / пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого. Алматы: Жибек жолы, 1998.

Мусабалина Г. Т., Абдыкулова Г. Роль Оренбурга в развитии торговых отношений с казахской степью и со Средней Азией в XVIII в. // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Любичанковского. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2020. С. 39–42.

Октябрьская И. В., Сураганова З. К. Гостеприимство в культуре казахов в контексте престижного потребления. Традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 107–117.

Почекаев Р. Ю. Западные современники о государстве и праве пост-ордынских ханств XVI–XVIII вв.: отражение реалий или продвижение воззрений? // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 358–366.

Сапарниязов А. Т. Что писали европейские участники Оренбургской экспедиции о каракалпаках XVIII в.? // Архивариус. 2021. Т. 7. № 3 (57). С. 27–30.

Смирнов Ю. Н. Английский рисовальщик и сотрудник оренбургской экспедиции Джон Кэстль в Самаре 1730-х годов // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: сб. статей и материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Азбука, 2003. С. 18–26.

Смирнов Ю. Н. Самара восемнадцатого века в дневнике английского сотрудника Оренбургской экспедиции // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 3. С. 823–834. doi: 10.15826/qr.2020.3.497.

Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul-Geier Chan der Kirgis-Kaysack Tartarischen Horda aus freiem Willen und bloss zu dem bestem des russischen Reiches untergenommen höchst nothigen und zwar gefürlichen doch glücklich vollbrachten Reise dargestellt durch John Castle einen Engländer und gewesenen Kunstmaller bei der Orenburgischen Expedition // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen. Th. 2: 1730–1741. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784.

REFERENCES

Castle J. *Dnevnik puteshestviia v godu 1736-m iz Orenburga k Abulhairu, khanu kirgiz-kaisatskoi ordy* [Diary of the Travel in the Year 1736 from Orenburg to Abulhair, Khan of the Kirghiz-Kaisak Horde]. Almaty: Zhibek zholy, 1998. (In Russian)

Koval'skaia S. I. Zhivopis' kak istochnik po izucheniiu povsednevnosti kazakhskogo naroda XVIII–XIX vekov [Painting as a Source for Studying the Everyday Life of the Kazakh People of the 18–19th Centuries]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost' (regional'nyi aspekt): Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Private and the Public in the Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity (Regional Aspect). Collection of Materials of the International Academic Conference]. Ed. by V. A. Veremenko. St. Petersburg: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2018, pp. 511–516. (In Russian)

Musabalina G. T., Abdykulova G. Rol' Orenburga v razvitiu torgovykh otnoshenii s kazakhskoi step'iu i so Srednei Aziei v XVIII v. [The Role of Orenburg in the Development of Trade Relations with the Kazakh Steppe and with Central Asia in the 18th Century]. *Desiatye Bol'shakovskie chteniia. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Tenth Bolshakov Readings. Orenburg Territory as a Historical and Cultural Phenomenon: Collection of Articles of the International Academic and Practical Conference]. Ed. by S. V. Liubichankovskii. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2020, pp. 39–42. (In Russian)

Oktiabr'skaia I. V., Suraganova Z. K. Gostepriimstvo v kul'ture kazakhov v kontekste prestizhnogo potrebleniia. Traditsii i sovremennost' [Hospitality in Kazakh Culture in the Context of Prestigious Consumption. Tradition and Modernity]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, no. 2, pp. 107–117. (In Russian)

Pochekaev R. Yu. Zapadnye sovremenniki o gosudarstve i prave post-ordynskikh khanstv XVI–XVIII vv.: otrazhenie realii ili prodvizhenie vozzrenii? [Western Contemporaries about the State and Law of the Post-Horde Khanates of the 16–18th Centuries: A Reflection of Reality or the Advancement of Views?]. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 2017, no. 10, pp. 358–366. (In Russian)

Saparniazov A. T. Chto pisali evropeiskie uchastniki Orenburgskoi ekspeditsii o karakalpakakh XVIII v.? [What did the European Participants of the Orenburg Expedition Write about the Karakalpaks of the 18th Century?]. *Arkhivarius*, 2021, vol. 7, no. 3(57), pp. 27–30. (In Russian)

Smirnov Yu. N. Angliiskii risoval'shchik i sotrudnik orenburgskoi ekspeditsii Dzhon Kestl' v Samare 1730-kh godov [English Draftsman and Employee of the Orenburg Expedition John Castle in Samara in the 1730s]. *Samarskii krai v zhizni i tvorchestve vydaushchikhsia lichnostei: Sbornik statei i materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Samara Territory in the Life and Work of Outstanding Personalities: Collection of Articles and Materials of the Third International Academic and Practical Conference]. Samara: Azbuka, 2003, pp. 18–26. (In Russian)

Smirnov Yu. N. Samara vosemnadsatogo veka v dnevnike angliiskogo sotrudnika Orenburgskoi ekspeditsii [Samara of the 18th Century in the Diary of an English Employee of the Orenburg Expedition]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 823–834. DOI 10.15826/qr.2020.3.497. (In Russian)

Submitted: 15.05.2021

Accepted: 17.08.2021

Published: 15.12.2021